

нуть, что «Бесы» отнюдь не были эталоном для Достоевского-романиста, а, наоборот, как сам он отчетливо это сознавал, являлись исключением — резчайшим сатирическим памфлетом, ради которого писатель даже готов был поступиться «художественностью», разумея под нею не только и, в данном случае, даже не столько внешнюю отделку формы, сколько ту, возможно более полную, реалистическую верность изображения явлений окружающей действительности, которую всегда считал основной задачей и целью своего творчества. Вернуться к такой возможно более полной художественности Достоевский стремился уже в следующем за «Бесами» романе «Подросток» и особенно в «Братьях Карамазовых».

Мало того, уже в период написания «Бесов» он отделял от совершенно для него неприемлемых Нечаева и Бакунина самоотверженных революционеров-одиночек типа студента Каракозова, совершившего на свой страх и риск 4 апреля 1866 г. первое покушение на Александра II: во время прогулки царя подошел и выстрелил в него. В этом отношении представляет исключительный интерес набросок намечавшегося было Достоевским предисловия к «Бесам»: «В Кириллове народная идея — сейчас же жертвовать собою для правды. Даже несчастный слепой самоубийца 4 апреля в то время верил в свою правду (он говор(ят) потом раскаялся — слава богу!)²⁰ и не прятался... стал лицом к лицу. Жертвовать собою и всем для правды — вот национальная черта поколения. Благослови его бог и пошли ему понимание правды, ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду. Для того и написан роман»²¹. Поступок Каракозова Достоевский, безусловно, осуждал, но, как видим, к нему самому он отнесся с явным жалостным сочувствием. Имеются даже основания полагать, что некоторые черты «несчастного слепого самоубийцы» должны были проступить в образах названного в предисловии Кириллова и, пожалуй, особенно Шатова. Можно думать, не сделал он этого, как не дал и задуманного предисловия к роману, чтобы не ослабить памфлетной направленности последнего.

Но Л. П. Гроссман не без основания предположил, что образ Каракозова в какой-то мере мог стать прототипом главного героя дилогии. Это словно бы подчеркивается и почти полным тождеством фамилий: *Каракозов* — *Карамазов*. Добавлю, что ассоциациями этого рода может объясняться и точность указанного в авторском предисловии промежутка времени между действием двух романов дилогии — *13 лет*: предисловие написано в 1879 г.; значит, действие «*Братьев Карамазовых*» относится к 1866 г., когда и прогремел столь взволновавший Достоевского и, видимо, очень запомнившийся ему выстрел Каракозова. А что во время разговора с Сувориным Достоевский держал в памяти судьбу Каракозова, свидетельствует еще одна запись писателя в записных тетрадах к «Бесам», показывающая, что уже тогда перед ним стоял столь волновавший его и заданный им собеседнику вопрос: донес бы или нет? Это предварительный набросок обмена репликами между тремя персонажами задуманного романа: Ш. (Шапошниковым — будущим Шатовым), Грановским (прототипом Степана Трофимовича Верховенского) и Студентом — будущим Петром Верховенским. «Донести: если б К(арако)зов, зная за два часа, донесли бы вы? — вопрос Ш.). Гр. говорит нет, варьируя и лавируя в ответ. — Даже и не участвуя в заговоре, — но узнав про намерения. — Нет, не донес бы. Ш. А я донесу; это неестественно. Чужим умом, чужими чувствами и правилами живете. — Ст. У Ш. по крайней мере есть храбрость своего убеждения, а ты и в этом пердун»²².

²⁰ Достоевскому не было известно, что Каракозова во время допроса пытали. Затем по приговору Верховного суда он был повешен.

²¹ Записные тетради Ф. М. Достоевского, изд. Academia, 1935, стр. 341.

²² Там же, стр. 118. На эту запись обратила мое внимание Л. М. Розенблюм.